

Тема 2.2. Психическое развитие как научная проблема

(аудиторная работа – 2 часа)

Узловые вопросы темы:

1. Проблема психического развития в культурно-исторической психологии.
2. Детерминанты, закономерности и условия развития.
3. Законы развития высших психических функций. Интерпсихический и интрапсихический этапы развития высших психических функций.
- 4.

Ключевые слова:

Психического развитие (натуральное и культурное), детерминанты развития, закономерности развития, условия развития, социальная ситуация развития, ведущий вид деятельности.

Низшие (натуральные) и высшие психические функции. Интериоризация, экстериоризация. Интерпсихическое и интрапсихическое действие.

Задание для подготовки и работы на семинаре

Задание 1. В материалах для индивидуальной работы представлены фрагменты текстов, описывающие развитие детей в условиях депривации. Проанализируйте данные тексты, поразмышляйте над вопросами и выполните следующее задание:

- Приведите примеры из текстов, иллюстрирующие наличие и/или отсутствие внутренних и/или внешних факторов психического развития, выделенные Л.С. Выготским.
- Какие закономерности психического развития раскрывают эти случаи? Приведите примеры из текстов.
- При каких условиях социальное взаимодействие может существенно влиять на развитие высших психических функций?

Опираясь на научную литературу, обоснуйте свою точку зрения. Подготовьтесь к обсуждению данного задания в аудитории.

Материалы для индивидуальной работы

М. Трахтенгерц «Час Волка» в журнале «Чудеса и Приключения» №1, 2012 [Pdf-Fax- 5.2М](#)



В поисках призраков. Осенью 1920 года группа христианских проповедников, в основном индийцев, совершила миссионерскую поездку в области Милнапор в Индии. В одной из дальних деревень жители обратились к ним с просьбой избавить их от духов или привидений из ближайших джунглей. Команда во главе с преподобным Дж. Сингхом, дабы не поставить под сомнение силу веры, отправилась в джунгли. На высоком дереве соорудили наблюдательный пункт, откуда были видны норы в земле. К вечеру из одной неожиданно появился волк, за ним второй, третий, их щенки, и, наконец, из дыры показался сам призрак.

Это было и впрямь ужасное создание, имеющее руки, ноги и туловище как у человека. Большая круглая голова, лицо тоже вполне человеческое, глаза сверкают. Сначала чудище, опершись локтями о край норы, внимательно осмотрелось. Но вот и оно выпрыгнуло на землю и пристроилось за щенками. За первым призраком явился второй! Он был в точности такой же, как и первый, но мельче. Оба бежали на четвереньках.

Схватив ружья, наблюдатели стали целиться в чудовищ. Однако Сингх остановил стрелков. В ход пошёл бинокль, и Сингху удалось убедить спутников, что это человеческие детёныши. Охоту отменили. Но что дальше? Наняв новых помощников, Сингх решил раскопать нору и извлечь оттуда детей. При первых же ударах лопат взрослые волки выскочили из норы:

волчица тут же была убита туземцем из лука: щенков отдали помощникам в награду. Дети же забились на самое дно норы...

Наперегонки на четвереньках. После долгих приключений их удалось доставить в церковный сиротский приют в Миднапоре. Это были две девочки. Кроме Сингха, историю их появления в приюте знала только его жена, работавшая там же.

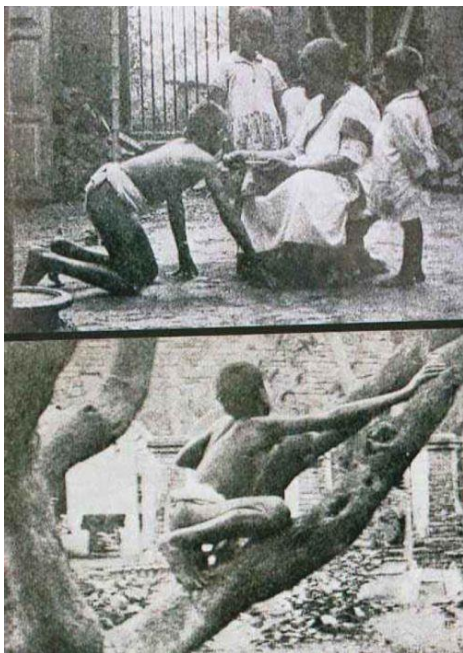


Мальшки были очень слабы. К тому же они не понимали, что и как можно есть, не умели пить из чашек. Любили молоко, однако могли его только сосать, как груднички, с помощью тряпочки, конец которой опущен в жидкость. Потом начали лакать молоко и воду языком, как собачки. Найдёнышей помыли и постригли - они стали выглядеть вполне обычно. Сингх оценил возраст старшей в восемь лет, младшей же дал года полтора. Первая получила имя Камала, вторая Амала. С этого времени священник начал вести подробный дневник (опубликован в 1942 году).

Вначале девочки много спали. Но, немного оправившись, вообще перестали спать после полуночи. Обе бесстрашно бродили по двору приюта в поисках лазейки для побега. Темноты совершенно не боялись. Исключительно быстро и юрко бегали на четвереньках - вроде белок.

При обычном движении опирались на колени и ладони, направленные во внешние стороны. Чего абсолютно не могли - так это стоять прямо на двух ногах. Первое время они ели и пили в собачье-волчьей позе. И даже позже так и не брали руками подаваемую пищу, а хватали её ртом. Могли учуять запах сырого мяса на кухне за 70 и более метров. Задрав вверх носы, втягивали воздух совсем как волки или собаки. Однажды Камала издалека примчалась на кухню со зверским выражением лица и, глухо рыча и скаля зубы, попыталась ухватить со стола кусок мяса. По запаху они тотчас обнаруживали павшее животное или птицу и тут же съедали легкую добычу. Потом от протухшего мяса начинали болеть. (В конце концов, эти заражения и стали основной причиной их гибели. Младшая Амала умерла первой в сентябре 1921 года).

Девочки всегда выбирали для своего пребывания самые тёмные места. Ночью видели лучше, чем днём; играли в любимую игру - прятаться и искать. Огонь костра, по-видимому, был им знаком, но они всегда скрывались от его света за кустами. Днём, часто мигая, щурили глаза, и только голод мог выгнать Амалу и Камалу на солнце, дыхание их при этом заметно утяжелялось.



Холодной зимой их пытались одеть, но они рвали одежду на мелкие кусочки, стоило воспитателям выйти из комнаты. В любую непогоду предпочитали носиться голышом, не испытывая видимого озноба. В конце концов, им было позволено бегать в прочно закреплённых набедренных повязках. Лишь иногда, когда приют посещали гости, удавалось некоторое время продержаться в свободных платьях-рубашках. В жару кожа девочек оставалась прохладной и гладкой; жидкости они пили не больше, чем обычно, не потели. Их кожа никогда не становилась жирной, и грязь не прилипала к ней. Если же им доводилось испачкаться, чистюли вытирались о траву или

землю, как собаки и кошки.

В тоске по джунглям. Амала и Камала, по-видимому, не воспринимали других людей, в том числе детей, как своих. Как-то Сингх принёс к ним ползунка, ещё не встававшего на ноги. Вначале они приняли малютку вполне дружелюбно, но затем, разобравшись, искусали чужака. Сингх предполагал, что они скучают по себе подобным. Казалось, ничто вокруг их не интересует, - они часами сидели, уставясь, как при медитации, в одну точку. Чтобы расшевелить их, к ним поместили группу детей. Мальшки веселились, играли, щебетали, но они совершенно не интересовали Амалу и Камалу, обе так и выглядывали своих - волков и щенков и злились, не находя. Обычных же детей они, скаля зубы, гнали прочь.

Однажды девочкам удалось выскочить за пределы приютского двора, и они мгновенно затаились в густых кустах. На зов не отвечали; найти и вернуть их оказалось довольно трудно. Зато они полюбили взрослых воспитателей, особенно жену Сингха. Она кормила Амалу и Камату когда те заболели, относилась к ним с искренней заботой. Мгновенно понимала, чего хотят девочки, старалась им потрафить. Иногда они отказывались принимать пищу из рук других людей, даже если речь шла о любимом молоке. Однако отношения эти были не как у бабушки с внуками, а как у хозяина с преданными ему собаками.

Без слов, но с воем. Младшая Амала была более отзывчивой - волчьей повадки, очевидно, не укоренились ещё так глубоко.

Эмоции обе проявляли очень скудно. Они не улыбались и не смеялись; иногда было ясно, что они довольны вкусной пищей, но лица их оставались непроницаемыми. Они никогда не плакали. Слезинки на щеках Камалы появились лишь однажды, когда рядом с ней умерла Амала. В совместных играх их эмоции проявлялись в движениях, например, в радостных подпрыгиваниях, а также в особенных взглядах, бросаемых друг на друга.

Они не издавали никаких звуков - никто не слышал от них ни обычного детского плача, ни криков радости. Очевидно, девочки хорошо усвоили, что вблизи логова должно быть очень тихо. Лишь изредка, страдая от очередной болезни, они в самое тёмное время ночи принимались по-волчьей выть. Обычно - короткими сериями три раза за ночь, как по часам.

Встать на ноги. Оставшись одинокой после смерти Амалы, Камала стала искать компанию среди котят и цыплят; но больше всего в качестве компаньона её привлекал щенок гиены. Выросла её симпатия к доброй миссис Сингх, которая не раз делала девочке целебный массаж.

Камала уже освоила некоторые человеческие жесты. Так, в ответ на вопросы она кивала головой. Её развитие стало соответствовать возрасту полуторагодовалого ребёнка. Суставы стали более подвижными - девочка научилась распрямлять ноги в коленях. Этому способствовал регулярный массаж с горчичным маслом.



Миссис Сингх проявила недюжинную изобретательность, придумывая всё новые приёмы для того, чтобы Камала буквально встала на ноги. Постепенно вводились новые упражнения - например, доставать лакомство с верхней полки. Однако даже спустя два года жизни в приюте Камала не могла долго и твёрдо стоять на ногах.

Она стала бояться уличной темноты и с наступлением сумерек предпочитала оставаться в доме. Перестала мочиться, где попало, и по примеру других научилась ходить в туалет. Ей понравилось купаться, но без погружения в воду: она, как маленький ребёнок, била руками по воде, расплескивая её на себя.

Камала стала ценить театр и ночью уже натягивала на себя одеяло, а не скидывала его на пол, как раньше. Собираясь на прогулку, надевала платье. Постепенно она стала ласковым и послушным ребёнком, по развитию - лет семи.

На ноги Камала встала в середине 1923 года, но так никогда и не смогла научиться бегать: чуть что - сейчас же опускалась на четвереньки. Изменилось и её отношение к детям в приюте. Она стала присматривать за ними и в случае чего тащила на помощь взрослых.

Красные куклы Камалы. Миссис Сингх в приюте называли мамой, и Камала вскоре начала понимать, о ком идёт речь. Пока девочка не говорила, она иногда отвечала на вопросы выразительными взглядами, которые, впрочем, так и остались нерасшифрованными. Но на седьмом году пребывания в приюте стала понимать речь, а потом и осваивать её навыки.

Поначалу лепетала непонятными обрывками слов; со временем речь становилась всё более отчётливой. Правда, запас слов был очень мал (около тридцати), поэтому она помогала себе жестиком. С малышами болтала как-то по-своему.

В какой-то момент у неё появилась привычка постоянно бормотать и даже напевать себе пол нос какие-то слова. Иногда она настолько погружалась в это камлание, что не замечала приближавшегося к ней человека. По-видимому, ее зачаровывал ритм. Всем остальным цветам она предпочитала красный, красными были даже её любимые куклы.

В сентябре 1929 года Камала заболела. Собрали лучших врачей города. Точного диагноза так и не поставили; состояние ее быстро ухудшалось. Через полтора месяца она умерла от уремии.

Роллс Д. Утраченная невинность: история Джини // Классические случаи в психологии. — Москва, 2010. — С. 25-30.

Родители Джини — Дороти Айрин Огльсби и Кларк Грей Уайли — проживали в калифорнийском городе Аркадия, у них было четверо детей, из которых выжили двое — Джини и её старший брат Джон.

В возрасте 14 месяцев Джини был поставлен диагноз «острая пневмония»; после осмотра лечащий врач заявил о том, что она проявляет признаки «вероятной задержки умственного развития». Это предположение стало поворотным в жизни Джини: отец девочки изолировал её в одной из комнат своего дома от контактов с матерью и старшим братом.

Первые 12 лет своей жизни Джини провела в запертой комнате. Днём отец надевал на неё подгузники и привязывал к детскому стульчику. На ночь он фиксировал девочку при помощи самодельной смирительной рубашки и помещал ребёнка в металлический вольер. Кларк Уайли кормил девочку только детскими смесями на молоке и общался с ней, преимущественно имитируя собачий лай и рычание. Каждый раз, когда она пыталась говорить, он избивал её палкой. Игрушками для Джини служили полиэтиленовые плащи, висевшие в комнате, и пустые катушки из-под ниток.

В 1970 году 50-летняя Айрин ушла от мужа, взяв с собой дочь, которой на тот момент было 13 лет, и обратилась в Департамент социальной помощи. Работник социальной службы, принявший её, обратил внимание на необычное поведение Джини, которую мать взяла с собой. Ребёнок плевался, царапался и передвигался дёрганой «кроличьей походкой», вытянув перед собой руки. Работник предположил, что возраст девочки составляет 6—7 лет. Узнав о том, что в действительности ей 13 лет, он проинформировал своего руководителя, который в свою очередь поставил в известность шерифа. Супругам Уайли были предъявлены обвинения в жестоком обращении с ребёнком. Незадолго до начала судебного заседания Кларк Уайли покончил жизнь самоубийством.

13-летняя Джини носила подгузники и практически не владела речью, её вес составлял около 27 кг при росте 1,37 м. Она не умела бегать, не могла полностью выпрямить руки и ноги и поэтому ходила, испытывая значительные затруднения. Девочка не реагировала на температуру окружающей среды, не была приучена к туалету, не умела жевать, не контролировала слюнотечение и постоянно плевалась, тело и одежда девочки были покрыты слюной. В результате того, что в течение длительного времени ребёнок был зафиксирован в сидячем положении, на её ягодицах образовались массивные мозоли. Были отмечены значительные проблемы с её зрением и состоянием зубов. У Джини оставался целый ряд привычек, приобретённых в ранние годы жизни. Поначалу она могла распознавать только собственное имя и слово «sorry» («извини»). Через некоторое время девочка стала произносить две фразы, которые, по оценкам специалистов, имели ритуальный характер: «stop it» и «помогите» («хватит» и «не надо»)

За первые 7 месяцев, прошедшие после освобождения, Джини научилась распознавать, предположительно, немного более сотни новых слов и начала говорить. Поначалу Джини (подобно детям, которые только начинают говорить) произносила фразы, состоящие из одного слова. Она начала объединять в одной фразе уже по два слова: «big teeth» («большие зубы»), «little marble» («маленький шарик»), «two hand» («два рука»). Несколько позже Джини стала использовать глаголы: «Curtiss come» («Кёртисс приходит»), «want milk» («хотеть молоко»). В ноябре того же года Джини начала строить фразы, состоящие из трёх слов: «small two cup» («маленький два чашка»), «white clear box» («белый прозрачный коробка»). Спустя год Джини, используя ограниченный лексикон, начала описывать события, произошедшие в прошлом.

В отличие от нормальных детей, Джини никогда не задавала вопросов, хотя и предпринимались неоднократные попытки обучить её этому. Также она не смогла освоить грамматику, а развитие её речевых навыков было чрезвычайно заторможенным. Даже после 4 лет обучения её речь напоминала «искажённый телеграфный стиль». Девочка оказалась неспособна связывать несколько слов в осмысленные предложения при помощи союзов и

служебных частей речи. Трудности для неё представляли предложения, в которых использовались глаголы-связки. Она регулярно пропускала такие вспомогательные слова, как «иметь» и «будет»:

Марцинковская Т.Д. «Психическая депривация и ее влияние на развитие детей в первые годы жизни» в книге «Детская практическая психология» - М.: Гардарики, 2004. с.123-146 (дано с сокращением)

Младенчество. Дети, попадающие в дом ребенка, часто имеют плохую наследственность: отягощенность алкоголизмом и наркоманией, врожденную психическую и неврологическую патологию. Они имеют врожденные психические аномалии, так как зачатие такого ребенка происходит или в состоянии опьянения, или отягощается использованием будущей матерью различных средств для прерывания беременности.

В первые шесть месяцев такой младенец внешне сильно отличается от своих ровесников, воспитывающихся в нормальных семьях. Это гораздо более спокойное, недокучливое и некапризное существо; большую часть времени бодрствования младенец проводит в безучастном созерцании потолка, сося палец или игрушку. Иногда он оживляется, например, увидев взрослого или встретившись взглядом с другим ребенком, но быстро отвлекается и вновь застывает в неподвижности, глядя в одну точку, у него слабо выражено ориентировочное поведение, он мало эмоционален, пассивен.

Во втором полугодии жизни различия увеличиваются. Потребность в общении у детей из дома ребенка обнаруживается позже, чем у детей, живущих в семье. Само общение протекает более вяло, комплекс оживления выражен слабо, возникает с трудом, в его состав входят менее разнообразные проявления, он быстрее затухает при исчезновении активности взрослого. В результате отставания развития ситуативно-личностного общения задерживается появление и предметно-манипулятивной деятельности, и ситуативно-делового общения. Недостаточное удовлетворение потребности во внимании и доброжелательности со стороны взрослого, дефицит эмоционального общения приводят к тому, что ребенок и во втором полугодии своей жизни стремится к ласке, выраженной в примитивной форме физического контакта, и не принимает предлагаемого ему сотрудничества. Присутствует вялое, однообразное неземное манипулирование с предметами (М.И. Лисина, И.В. Дубровина, А.Г. Рузская и др.).

Развитие эмоциональной сферы отличается рядом специфических особенностей — эмоциональные проявления бедны, невыразительны. За скудностью экспрессий стоит бедность переживаний детей. Помимо упрощенности эмоциональной сферы у таких детей наблюдается менее точное различие эмоций взрослого, задержка дифференцировки положительных и отрицательных эмоциональных воздействий. Из-за слабой чувствительности к отношению взрослого в определенной мере тормозятся развитие познавательной деятельности младенцев, овладение ими предметными манипуляциями и, в конечном счете, их общее психическое развитие.

<...>У ребенка снижена инициативность, он пассивно относится ко всему окружающему, отсутствие уверенности в себе, требовательности к окружающим, вялость познавательной деятельности; определенные отклонения в становлении важнейших психологических образований: искажения образа себя, задержки в становлении субъектного отношения к самому себе и замедленное и неполноценное развитие активности как личностного образования. У младенцев, находящихся в доме ребенка, присутствуют избирательные отношения со сверстниками, при этом предпочтение отдается активным, подвижным и эмоциональным детям (М.И. Лисина, М.М. Царегородцева, 1986).

Ранний возраст. В развитии ребенка существуют такие сферы, в которых отражаются наиболее существенные показатели возрастного развития. Одна из них — двигательная сфера. Для детей из дома ребенка характерна двигательная неловкость, нарушение координации движений. В показателях крупной моторики просматриваются пробы на статическую координацию. Они показывают, что, несмотря на имеющее место отставание в развитии от детей из семьи, это отставание незначительно. Ребенок может постоять на одной ножке; попрыгать на двух и одной ножке; поставить одну ножку (по прямой линии) перед другой и так постоять, пройти по прямой дорожке. Все эти действия позволяют наблюдать особенности

физического развития и выявлять его задержки. И хотя у детей возникают трудности с пробами на статические позы, однако здесь отставание выражено незначительно.

Характеристика мелкой моторики свидетельствует об отставании в развитии: часто встречается ослабленный мышечный тонус рук, движения вялые, анемичны, имеются врожденные аномалии строения рук и пальцев, несформированность дифференцирования захватов — к трем годам в большинстве случаев наличествует ладонный захват.

На мимике, позах ребенка лежит печать детского дома — невыразительная улыбка, ускользающий взгляд, пассивная подчиненность взрослому, отсутствие активного стремления к общению со взрослым и сверстниками, малый запас коммуникативных средств.

Отсутствие двигательной активности имеет и некоторые «крайние» формы выражения. Для детей раннего возраста, находящихся в доме ребенка, характерны «ватные позы» и так называемые тупиковые движения — раскачивание тела, сосание пальца, стереотипные нецеленаправленные движения рук. Отсутствие двигательной активности выражается в пассивности движений, анемичном, невыразительном лице, позе, жестах, мимике. Наряду с мышечной гипотонией встречается и мышечная гипертония. Ребенок в таких случаях находится в состоянии непрерывного движения, с трудом сосредоточивается на выполнении поручения, перемещается из конца в конец, хватается за различные предметы, отпускает их — движения некоординированы, беспорядочны.

У детей, находящихся в учреждениях интернатного типа, отмечается несформированность навыков общения, дети не инициативны в общении со взрослым и сверстником. При появлении нового человека с их стороны не наблюдается привычной эмоциональной реакции, например, чувства страха или радости, т.е. они избегают эмоционального контакта. Имеется и другой тип реагирования — «прилипчивость» к новому лицу. При появлении нового человека они «облепляют» его, стараются до него дотронуться, прижаться к нему. Однако очень быстро их интерес проходит и при расставании с их стороны не проявляется никаких эмоций, что свидетельствует об отсутствии стойкой привязанности.

Общение со взрослыми у детей, воспитывающихся вне дома, значительно беднее и одностороннее, чем у сверстников из семьи. Личностный, деловой, познавательный аспекты при общении слабо развиты, средства коммуникации обеднены и сужены. Низкий уровень развития общения со взрослым, примитивные по содержанию личностные контакты, ограниченное овладение бытовыми навыками, привязанное к конкретной ситуации деловое сотрудничество, отсутствие старшего партнера по познавательной деятельности — все это не требует от детей из дома ребенка точных и сложных коммуникативных средств, таких, как вербальные. В этих условиях у ребенка нет острой необходимости в активной речи: он овладевает ею медленно, с задержками, по мере усложнения жизнедеятельности и общения со взрослыми. Но жизнь детей в закрытом детском учреждении, подчиненная вербальным распоряжениям взрослого (его «командам») требует от них понимания речи. Оно возникает с относительно небольшим запозданием по сравнению с детьми из семей. Это приводит к значительному временному разрыву между возникновением понимания речи и моментом активного овладения ею.

Ранний возраст заканчивается кризисом трех лет, когда у ребенка формируется личностное новообразование «я — сам». Отношение к себе, другим и предметному миру приобретает значимость не только как объект освоения, практического действия и познания, но и как сфера реализации и самоутверждения «я».

<...> Исследование уровня психического развития свидетельствуют о том, что все обследованные обнаруживают задержку психомоторного и речевого развития, выраженную в разной степени (легкая, средней тяжести и тяжелая), отклонения в состоянии эмоционально-волевой сферы и поведения.

Дошкольный возраст. Дети, находящиеся в условиях эмоциональной и сенсорной депривации, имеют задержки в психомоторном развитии. Они испытывают значительные трудности в выполнении проб на статическую, динамическую коррекцию и синхронность движений. Тонкие и мимические движения недостаточно дифференцированы, отмечались патологические движения, синкенезии.

Так же как и для предыдущих возрастных групп, характерно снижение (относительно нормы) общей познавательной активности. Дети демонстрируют пассивное освоение материала, они постоянно ориентируются на оценку взрослого. Отмечается отставание в

области развития восприятия: дети испытывают затруднения в активном использовании эталонов цвета и формы, хотя могут находить нужный эталон по образцу, в том числе и словесному. Это свидетельствует о недостаточной сформированности соответствующих сенсорных эталонов, характеризующих восприятие.

В области мышления наибольшие затруднения наблюдаются в следующем: обобщение и классификация у детей носят синкретический характер с выраженным смещением оснований по «типу цепочки или диффузного комплекса», особенно у 4-летних детей. У детей 6 лет классификация осуществляется на уровне зрительного соотношения, дети затрудняются вербально обозначить группы предметов. Для них типично отставание в области общей осведомленности, например, своего дня и года рождения, времен года и месяцев. Явно выражено отставание в развитии метафорического мышления. В области счета не сформирован ряд представлений и действий, дети затрудняются в счете, ошибаются при оперировании понятиями «больше — меньше» на числовом материале, не представляют, какие единицы измерения используются для определения пространства и времени.

Нравственные суждения детей, как правило, синкретичны. Нравственное содержание поступка оценивается исходя из ожидаемого поощрения или наказания со стороны взрослого. У ряда детей младшего дошкольного возраста отмечен ригоризм, проявляющийся в форме демонстрации моральных суждений типа абстрактной проповеди на фоне противоположного типа обыденного поведения.

В области памяти наибольшее отставание наблюдается в плане формирования функции опосредования, что является одной из основных общеинтеллектуальных характеристик. Следует отметить, что отставание в плане кратковременного механического запоминания встречается значительно реже. В то же время для большинства детей характерны нарушения опосредованного запоминания, что свидетельствует об общем интеллектуальном отставании.

В отношении воображения необходимо отметить следующее: более всего наличествует репродуктивная позиция и стереотипная интерпретация проективного материала, что представляется не столько как отставание в развитии собственно воображения, сколько как отставание общей личностной ориентации.

В области внимания наблюдается отставание прежде всего в плане произвольной его функции. Дети легко отвлекаемы, сосредоточение возникает на уровне спонтанной мотивации, что в целом выступает как проявление несформированности произвольной саморегуляции. Характерны также нарушения устойчивости внимания, быстрая утомляемость, что может быть связано и с общей психоастенизованностью, и с органической патологией у ряда детей.

В области речевого развития наблюдается обычное косноязычие, особенно заметное у младших дошкольников, имеет место запаздывание в области синтаксиса и содержания высказываний. Дети сравнительно поздно начинают пользоваться личными местоимениями, не понимают фразеологических оборотов. При сформированном умении называть предметы, изображенные на картинках, дети испытывают затруднения в описании происходящего и интерпретации смысла картинки, поскольку такое описание предполагает установление соотношения между действительностью и ее символическим отображением, отсюда отставание в овладении графическими знаками и, как следствие, характерные ошибки при чтении и письме. Неграмотности также способствует несформированность фонематического слуха, затруднения в различении твердых — мягких, глухих — звонких согласных, в результате чего на письме появляется персеверация букв, слогов, несогласование падежных окончаний. Еще одной областью, в которой проявляется отставание речевого развития, является социальная. Дети комментируют конкретные бытовые события, но не всегда могут сформулировать свои мысли по поводу будущего.

Общая характеристика эмоционального статуса следующая: высокая тревожность и в большинстве случаев агрессивные тенденции, явные или вытесненные (по данным проектных методик), одиночество, агрессии, страхи сказочных персонажей (причем, по содержанию страхов можно судить о тенденциях к отставанию в развитии). В отношении эмоциональной лабильности либо регидности можно сказать, что не выявлено преобладания одной из этих характеристик как типичной; в то же время обращают на себя внимание случаи явной выраженности одной либо другой у отдельных детей, что в сочетании с эйфорическими и депрессивными проявлениями свидетельствует о наличии эмоциональных нарушений,

снижении произвольности поведения и эмоциональной саморегуляции. Это проявляется и в двигательной расторможенности либо скованности, аффективных реакциях при фрустрации, плохом самоконтроле при социальных взаимодействиях.

Дети, воспитывающиеся в условиях интернатного типа, имеют целый ряд личностных особенностей, в частности, они не усваивают навыков продуктивного общения при наличии ярко выраженной потребности в любви и внимании; не умеют налаживать общение с окружающими. В силу неправильного и недостаточного опыта общения дети часто занимают по отношению к другим людям агрессивно-негативную позицию. Эмоционально нестабильное положение ребенка, лишённого родительского попечительства, ведет к нарушению аффективно-личностных отношений (В.С. Мухина, 1986).

<...> эмоциональные реакции дошкольников и младших школьников из учреждений интернатного типа отличаются более высокой напряженностью, аффективными срывами, большим накалом эмоциональной фрустрации, выражающихся в агрессии. Условия воспитания ребенка в учреждениях интернатного типа (ограниченность эмоционально-идентификационных отношений с ребенком) выступают как неблагоприятные для развития сопереживания, не способствующие реализации потребности ребенка в признании взрослыми и сверстниками.

Дети, испытывающие депривацию, приходя в школу неспособны находить выход из конфликтных ситуаций, у них преобладают экстрапунитивные реакции по типу самозащитных: враждебность, агрессивность по отношению к окружающим. Для них характерна слабая выраженность значимости дружеских связей (А.М. Прихожан), отсутствие постоянных диад и триад, носящих в основном ситуативный характер. У воспитанников закрытых детских учреждений отношение к взрослым определяется практической полезностью последнего в жизни ребенка (И.В. Дубровина, Д.И. Фельдштейн).

Ограниченный круг контактов препятствует формированию продуктивных навыков общения со сверстниками и взрослыми и затрудняет формирование адекватной картины мира, что, в свою очередь, оказывается существенным препятствием на пути их адаптации и интеграции в более широком социуме. Дефицит общения ребенка со взрослым приводит к гипертрофии, сверхценности этой потребности, к практически полной зависимости эмоционального благополучия ребенка от отношения к нему взрослого (Лисина, 1979). На фоне напряженности потребности в общении со взрослым и одновременно повышенной зависимости от него обращает на себя внимание агрессивность в отношении ко взрослому.

Для понимания причин возникновения описанных особенностей поведения у воспитанников детского дома недостаточно указать, с одной стороны, на узость, ограниченность их контактов со взрослыми, с другой — на высокую интенсивность контактов со сверстниками как простые количественные характеристики. Важно учитывать, что в детском доме ребенок постоянно общается с довольно узкой группой сверстников, причем он сам не может предпочесть ей какую-либо другую: тесная принадлежность к определенному кругу сверстников приводит к тому, что отношения в группе складываются по типу родственных. В этом можно увидеть положительный фактор, способствующий эмоциональной стабильности, защищенности, но в то же время подобные контакты не способствуют развитию навыков общения со сверстниками, умению налаживать равноправные отношения с незнакомыми детьми, адекватно оценивать свои качества, необходимые для избирательного, дружеского общения.

В основе недоразвития «интимно-личностной» сферы общения лежит отсутствие эмпатии, т.е. сопереживания, умения и потребности разделить свои переживания с другим человеком. В то же время исследования Счастливой позволяют говорить о том, что у депривированных детей содействие, как умение оказывать помощь другому, представлено значительно шире, чем сопереживание. Этот феномен позволяет затронуть один из важнейших вопросов развития личности — проблему отчуждения, «обособления». Ситуация депривации способствует развитию феномена отчуждения, и именно это продуцирует отсутствие любви, тепла в отношении ко второму, третьему поколению в семье (как некая последовательная цепь поколений, прервать которую бывает достаточно сложно).

Как показывают исследования, проводимые Мухиной, в условиях детского дома формируется феномен «мы». У детей возникает своеобразная идентификация друг с другом. В благополучной семье всегда есть фамильное «мы» — чувство, отражающее причастность именно к своей семье. Это важная организующая эмоционально и нравственно сила, которая создает условие защищенности ребенка. В условиях жизни без родительского попечительства у

детей стихийно складывается детдомовское (интернатское) «мы». Это совершенно особое психологическое образование. Дети без родителей делят мир на «свои» и «чужие», «мы» и «они». От «чужих» они совместно обособляются, проявляют по отношению к ним агрессию, готовы использовать их в своих целях. У них своя нормативность по отношению ко всем «чужим». Однако внутри своей группы дети чаще всего также обособлены: они могут жестоко обращаться со своим сверстником или ребенком младшего возраста. Эта позиция формируется по многим причинам, но, прежде всего, из-за неразвитой и искаженной потребности в любви и признании, из-за эмоционально нестабильного положения ребенка (Мухина).

Литература

1. Психология развития: Учеб. для студ. высш. психол. учеб. заведений Под ред. Т.Д. Марцинковской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – С. 20 – 25, 29 – 68.
2. *Лекция 2.1, 2.2* <http://edu.vspu.ru/groups/psihologiya-2-3/docs/folder/122615>
3. *Рубцов В.В. Культурно-историческая научная школа: проблемы, которые поставил Л.С. Выготский* <https://persev.ru/bibliography/kulturno-istoricheskaya-nauchnaya-shkola-problemy-kotorye-postavil-ls-vygotskiy-0?ysclid=m1mn7a6de3364805405>
4. *Цукерман Г.А. Развивающее обучение* // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2013, № 1, с. 1-22. Электронная версия // <http://www.psyanima.ru/journal/2013/1/2013n1a1/2013n1a1.pdf>
5. *Шаповаленко И.В.. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология)*. М., 2005. С-57-14